Вестн. Моск. ун-та. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 5. С. 85–96.
Lomonosov Political Science Journal, Vol. 1, No. 5, 2023, pp. 85–96.

DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-5-85-96
Научная статья / Research paper

А.Б. Страхов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: САМОДЕРЖАВИЕ И СОГЛАСИЕ В ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XI–XVII вв.[1]

В статье анализируются понятия «самодержавие» и «согласие» как ценностные категории, важнейшие для русской духовно-политической мысли XI–XVII вв. Значения этих понятий претерпевали некоторые изменения, однако в общих чертах сохранили свое смысловое ядро и продолжают влиять на современность. Будучи ценностными категориями, понятия «самодержавие» и «согласие» употреблялись в текстах разных жанров и разных авторов, что позволяет предметно проследить их развитие. Несмотря на сакральное значение и отсылки к строгой иерархии, понятие «самодержавие» во многом оказывается аналогично современному представлению о суверенитете. Концепт «согласие» подразумевает всеобщий договор, добрососедское совместное проживание в рамках единой общности. В русской духовно-политической мысли XI–XVII вв. понятия «самодержавие» и «согласие», хотя и не очевидным образом, были связаны воедино: самодержавие обеспечивало сохранение согласия; согласие давало санкцию самодержавию. И самодержавие, и согласие были направлены на поддержание мощи и независимости Русского государства. Эти и другие выводы был сделаны на основе изучения русских текстов XI–XVII вв. с помощью поисковой базы Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: *духовно-политическая мысль, самодержавие, согласие, аксиологические основы, российская государственность, российская цивилизация.*

Для цитирования: *Страхов А.Б.* Аксиологические основы российской цивилизации: самодержавие и согласие в идейно-политическом дискурсе

[1] Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0005 «Аксиологические ориентиры российской цивилизации: историко-политический аспект») при поддержке Экспертного института социальных исследований.

© Страхов А.Б., 2023

XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. Т. 1. № 5. С. 85–96. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-5-85-96.

A.B. Strakhov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN CIVILIZATION: AUTOCRACY AND CONSENT IN THE IDEOLOGICAL AND POLITICAL DISCOURSE OF THE 11th–17th CENTURIES

The article analyzes the concepts of 'samoderzhaviye' ('autocracy') and 'soglasiye' ('consent') as value categories, which are the most important for the Russian spiritual and political thought of the 11th-17th centuries. Both of these concepts have undergone some semantic changes, but in general they have retained their semantic core and continue to influence in social and political discourse in the present day. Being value categories, 'samoderzhaviye' and 'soglasiye' were used in texts of different genres and by different authors, which allows us to trace their development in detail. The concept of 'samoderzhaviye', related with sacred meaning and a strict hierarchical structure, is in many ways similar to the modern idea of sovereignty. The concept of 'soglasiye' implies a kind of universal agreement, good-neighborly cohabitation within a single community. In Russian spiritual and political thought of the 11th–17th centuries the concepts of 'samoderzhaviye' and 'soglasiye', although not in an obvious way, were linked together: autocracy ensured the preservation of consent; consent gave a permission to autocracy. Both autocracy and consent were aimed at maintaining the power and independence of the Russian state. These and other conclusions were made based on the study of Russian texts of the 11th–17th centuries using the search database of the National Corpus of the Russian Language.

Key words*: spiritual and political thought, autocracy, consent, axiological foundations, Russian statehood, Russian civilization.*

For citations*:* Strakhov, A. B. "Axiological Foundations of Russian Civilization: Autocracy and Consent in the Ideological and Political Discourse of the 11th–17th Centuries," *Lomonosov Political Science Journal*, Vol. 1, No. 5, 2023, pp. 85–96. (In Russ.) DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-5-85-96.

Русская мысль примечательна тем, что с самого своего зарождения она уже была политической, уже занималась поисками места Руси / России в мире: «Размышления на эту тему (пути Руси после принятия православия. — *А.С.*) были у отечественных любомудров не только отвлеченно-философскими. Они приобретали и непосредственное политическое звучание, ибо показывали русским князьям

и всему народу, что Сам Господь покровительствует Руси»[2]. Даже первое литературное произведение, «Слово о Законе и Благодати» (середины XI в.), имело духовно-политический характер. Во многом именно формулируемые в то время категории обретали статус ценностей, на которых было выстроено само русское общество и государство.

В связи с этим важно рассмотреть, какие духовно-политические категории занимали русских мыслителей, на чем строились их размышления, с какими идеалами сравнивалась реальная политическая ситуация и как в дальнейшем эти взгляды трансформировались после петровских преобразований.

На сегодняшний день в отечественной политической науке довольно подробно разработаны методы исследования аксиологических оснований российской государственности и российской цивилизации. В историко-политическом разрезе метод исследования был предложен научным коллективом под руководством С.В. Перевезенцева[3]. В рамках продолжения данной работы необходимо рассмотреть такие важнейшие категории, как «самодержавие»[4] и «согласие», которые имели большое значение для русской мысли и русского политического бытия.

«Боголюбивому и православному самодръжцу…»: духовно-политическое содержание ценности самодержавия

Самодержавие как духовно-политическая ценность имеет очень сложную историю развития. Это понятие в изобилии встречается (в той или иной грамматической форме) с древнейших времен.

[2] *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М.: Квадрига, 2023. С. 100.

[3] См., например: *Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А.* К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 4. С. 113–133; *Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А.* «Отечество находится не в географии…»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263–283; *Сорокопудова О.Е., Миронов Д.В.* Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 2. С. 455–470.

[4] Как будет показано ниже, в русских источниках допетровского времени понятие «самодержавие» указывало на независимость, исходящую изнутри, а не данную извне. Таким образом, можно предположить, что формированию одной из важнейших политических ценностей в современном мире, ценности суверенитета, предшествовала идея самодержавия.

В поисковой базе Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) было обнаружено 637 текстов XI–XVII вв. (проанализированы два исторических корпуса: древнерусский и старорусский) с употреблением слова «самодержец» и однокоренных. При этом частота употребления отличается от века к веку, что говорит об эволюции понятия в контексте эпохи.

Впервые термин «самодержавие» встречается в договоре между Русью и Византией 912 г., который передает Повесть временных лет по Ипатьевскому списку: «Иже п[о]слани от Олга великаго кн[я]зя Рускаго… к вам, Львови и Александру и К[о]стянтину великьм, о Б[о]зе самодержьце[м] ц[еса]рем Грецкым»[5]. Фактически самое первое упоминание самодержавия уже подчеркивает его духовное содержание и божественное происхождение, особый сакральный статус фигуры самодержавного правителя. Кроме того, в изложении летописца понятие «самодержец» синонимично понятиям «царь», «цесарь». Таким образом, самодержец — это независимый правитель великого государства, чья власть дана Богом и потому носит особый сакральный статус. Стоит отметить, что именно такое понимание самодержавия закрепится в русской мысли применительно к русским правителям.

Однако в целом допустимым было и использование термина «самодержец» по отношению к языческим и нехристианским властителям, обладавшим большой силой. Так, под пером древнерусского переводчика самодержцем становится римский император Тит[6].

С окончательным распадом Древнерусского государства и установлением ордынского ига термин «самодержец» почти исчезает из русских источников и спорадически встречается в южнорусских источниках XIII в.: «По см[е]рти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Роуси»[7]; «Великии кн[я]зь Литовьскии Миньдовг самодержечь бы[сть] во всеи земли Литовьскои»[8]. Роман Мстиславич (1150-е гг. — 1205) одним из первых русских князей назван самодержцем, так как смог объединить Галицкое и Волынское княжества и вел активную внешнюю политику. Однако по титулованию самодержцем литовского князя Миндовга (ок. 1195–1263) становится заметно, что титул «девальвируется» — в условиях ор-

[5] Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. Стб. 24.

[6] См., например: «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 381.

[7] Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 715.

[8] Там же. Стб. 858.

дынского порабощения русских земель на первый план в содержании самодержавия выходит именно способность отстоять независимость своего государства. Не обладая реальной независимостью, правители русских княжеств не могут называться самодержцами, и поэтому само понятие почти на 150 лет исчезает из русского духовно-политического лексикона.

Примечательно, что за время своего небытия оно не потеряло своего значения. В 1412–1414 гг. было создано «Сказание о нашествии Едигея», где впервые за долгое время появляется термин «самодержец»: «Боголюбивому и православному самодръжцу великому князю Василью Дмитриевичю, столь русскиа хоругви дръжащу, и христиане благоденьствовахуть в дръжаве его, и земля Русскиа миром украшаема в сих доброх исполнився благоцветяше»[9]. В этом небольшом отрывке обращают на себя внимание несколько аспектов. Во-первых, «самодержец» здесь — не официальный титул великого князя, а восприятие книжником Василия Дмитриевича в качестве такового. Это может свидетельствовать об укорененности ценности самодержавия в русской духовно-политической мысли, неистребимой даже в условиях ига. Можно с осторожностью предположить, что в условиях зависимости князей от Орды самодержавие остается невысказанным идеалом, к которому необходимо стремиться. Во-вторых, правление Василия Дмитриевича характеризуется тем, что наступил мир для христиан, спокойствие, надежно защищаемое княжеским войском. Самодержавие как ценность обрастает важным дополнением — недостаточно быть независимой страной, необходимо быть также благочестивым, процветающим и сильным государством.

Доказательством справедливости такого понимания самодержавия может служить «Слово похвальное» инока Фомы. Оно было создано около 1453 г. и имело конкретного адресата — великого князя Тверского Бориса Александровича. Примечательно, что именно в этом тексте впервые появляется прилагательное «самодержавный», которое употребляется в данном источнике даже чаще, чем существительное «самодержец». Можно предположить, что самодержавие с этого момента отделяется от конкретного правителя и становится ценностью само по себе, принадлежностью не только человека, но и государства.

Благодаря панегирическому характеру текста легко реконструировать, каким содержанием наполнялось понятие «самодержавие»

[9] Сказание о нашествии Едигея // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко (Далее — БЛДР). Т. 6: XIV — середина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 242.

в середине XV в. Во-первых, возвращается понимание самодержавия как Божьего дара: «Въсхоте быти един самодерьжець, а не веды, кому же Бог хощет власть дати, тому и даст»[10]. Во-вторых, самодержавие невозможно без независимости: «Сего самодержавнаго великаго князя Бориса Александровичя… увеличися власть его»[11]. В-третьих, самодержавная власть должна проявлять милосердие к подданным: «О Христе самодержавный государь, милосердуй о всех по обычаю доброму»[12]. Однако и в этом пожелании скрывается еще один смысл, до того в источниках нераскрываемый. Самодержавие должно следовать традициям милосердия — «доброму обычаю». В-четвертых, самодержавие — это высшая форма политического бытия, равная империи: «И сий же самодержавный государь, великий князь Борис Александровичь, не так, но бесчисльно даа людем своим, и повелевая в своей полате в красных блистаниих пред собою ходити, а сам же царским венцем увязеся»[13].

Таким образом, понятие «самодержавие» указывает на божественную волю, независимость, мощь, благочестие и «добрый обычай». Только соответствуя этим критериям, государь может считаться самодержавным, что становится общим местом в русской средневековой мысли: «И бысть великая власть державы Руския и оттоле назвася самодержавный великий князь Московский»[14].

Подобная схема позволяет русским духовно-политическим мыслителям оценивать различные государства и их правителей. Например, титула самодержца удостаивается венгерский правитель Владислав, втайне принявший православие и с Божьей помощью победивший Батыя, вторгшегося в венгерские пределы[15], но не сама Венгрия. Единственной истинной самодержавной страной представляется Россия, что прослеживается в дальнейших текстах.

Подтверждение обоих тезисов находится в «Сказании о князьях Владимирских», программном документе русского самодержавия. Примечательно, что сам термин и однокоренные ему встречаются в «Сказании…» всего дважды, при этом оба раза в одном отрывке — в послании византийского императора Константина Мономаха велико-

[10] Инока Фомы Слово похвальное // БЛДР. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 114.

[11] Там же. С. 74.

[12] Там же. С. 86.

[13] Там же. С. 82.

[14] Казанская история // БЛДР. Т. 10: XVI век. СПб.: Наука, 2000. С. 278.

[15] См.: Слово об убиении злочестивого царя Батыя (Из Великих Миней Четьих митрополита Макария) // БЛДР. Т. 12: XVI век. СПб.: Наука, 2003. С. 46–51.

му князю Владимиру Всеволодовичу: «…На славу и честь и на венчание твоего волнаго и самодержавнаго царствиа… все православие в покои пребудет под сущею властью нашего царства и твоего волнаго самодержавъства великиа Русиа»[16]. При этом в «Сказании…» ни сам Константин не называется самодержцем (хотя и титулуется царем), ни Византия — самодержавством. Именно за Русским государством закрепляется особый самодержавный статус, при этом он не в полной мере зависит от деятельности правителей, а становится внутренним свойством России. Роль правителей при этом — поддерживать его и защищать от внешних и внутренних опасностей.

Подобное отделение прослеживается и в важнейшем идеологическом труде середины XVI века — в «Степенной книге царского родословия». Так, великий князь Василий Иванович удостаивается следующей похвалы: «Боголюбезный самодержецъ от самодержьства»[17].

В пользу деперсонификации понятия «самодержавие» может свидетельствовать и тот факт, что включение термина «самодержец» в царский титул произошло позже, чем он стал применяться современниками к правящим монархам. «Домострой» призывает молиться «за царя и великаго князя имярек, всея Руси самодержца»[18], в «Чаше государевой» (1561–1563) неизвестный автор провозглашает: «Дай Бог, здрав был царь государь наш князь великий Иван Васильевич, самодержецъ всея Росии, на многа лета»[19] и т.д. Но впервые правитель, а именно Иван IV Васильевич, сам называет себя самодержцем только в 1579 г. в послании Стефану Баторию: «Мы, великий государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии, самодержецъ…»[20].

[16] Сказание о князьях Владимирских // БЛДР. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 284.

[17] Полное собрание русских летописей. Т. 21. 2-я половина: Книга Степенная царского родословия. Ч. 2 / Под ред. П.Г. Васенко. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913. С. 582. Стоит заметить, однако, что в других, более ранних списках «Степенной книги…» данное выражение выглядит иначе: «боголюбезныи самодержець от *самодеръжьца*» (курсив наш) (Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и коммент.: В 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2: Степени XI–XVII / Подгот. под рук. Н.Н. Покровского. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 286). Впрочем, это не противоречит выдвинутой гипотезе о деперсонификации понятия «самодержавие» в России.

[18] Домострой // БЛДР. Т. 10. С. 124.

[19] Чаши государевы заздравные // БЛДР. Т. 10. С. 556.

[20] *Иван Грозный.* Послание польскому королю Стефану Баторию 1579 года // БЛДР. Т. 11: XVI век. СПб.: Наука, 2001. С. 164.

В своих трудах Иван IV Васильевич воспроизводит саму характеристику самодержавия как могущественного независимого благочестивого Русского государства, имеющего особое божественное изволение и опирающегося на незыблемую традицию. Особенно ярко это проявляется в первом послании Курбскому: «Сего убо православия истиннаго Росийскаго царствия самодержавство Божиим изволением почен от великаго князя Владимира…»[21] (здесь выражаются такие свойства самодержавия, как божественное изволение и преемственность (традиция)); «А Российское самодержавство изначала сами владеют своими государствы, а не боляре и вельможи»[22] (в этом предложении заключены идеи могущества и независимости верховной власти).

После смерти Ивана IV Васильевича русские цари официально включают термин «самодержец» в свой титул; он встречается в дипломатических и других документах Бориса Годунова, Василия Шуйского, Михаила Федоровича и Алексея Михайловича[23]. Окончательное закрепление самодержавного статуса русских царей можно отнести к 1625 г., когда «перед прежнею печатью прибавлено на печати, в подписи, в нашем государьском имянованье “самодержецъ”»[24].

Таким образом, самодержавие в русской духовно-политической мысли и политическом сознании изначально обозначало независимое государство с сильным правителем. Со временем к этим характеристикам добавились особый божественный замысел по отношению к данному государству, благочестие жителей и правителей, опора на преемственность (традицию) и «добрые обычаи». В конечном счете Россия стала пониматься как единственное в мире самодержавное государство. Постепенно понятие самодержавия деперсонализируется и становится имманентной характеристикой Русского государства[25].

[21] Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Ред. Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 1993. С. 12.

[22] Там же. С. 16.

[23] См., например, Жалованную грамоту царя Федора Ивановича митрополиту Дионисию на слободку Святославлю Ростовского уезда 30 октября 1584 г. (Акты феодального землевладения и хозяйства / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 36–38).

[24] См. Грамоту царя Михаила Федоровича белозерскому воеводе Борнякову о сделанной вновь большой государевой печати апреля 1625 г. (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 3: 1613–1645. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. С. 229).

[25] В данной статье не было рассмотрено словосочетание «самодержавным Божественным Духом вся оживляющего», которое встречается в ряде дипломатических документов XVII в. Это тема требует специального исследования.

«Бысть аки согласен совет во единоравеньстве…»: духовно-политическое содержание ценности согласия

Согласие как духовно-политическая ценность не менее сложно, чем понятие «самодержавие», однако в русских текстах X–XVII вв. встречается гораздо реже. В древнерусском корпусе НКРЯ слова «согласие», «согласник», «согласно», «согласный» и «соглашение» встречаются всего 7 раз, из них 4 — в переводе Студийского устава, относящегося к 1060–1070 гг., и касаются богослужебной практики. Значительно больше текстов предлагает поиск по старорусскому корпусу НКРЯ. Слово «согласие» встречается 87 раз в 37 текстах, «согласник» — 9 раз в 5 текстах, «согласно» — 33 раза в 17 текстах, «согласный» — 29 раз в 20 текстах, «соглашение» — 4 раза в 4 текстах.

При этом сам термин «согласие» оказывается более многозначным, чем самодержавие. Он может иметь вполне конкретный физический смысл — например, пение в унисон: «И литию сотворше и молебныя каноны согласно пояху»[26]. Кроме того, он указывает на согласованность, соответствие действий: «И видевше же, яко съгласна видениа обоих быша, и назнаменаша день, в онже сиа обои видеша»[27]. Даже когда согласие употребляется в метафорическом значении, оно часто лишено ценностного содержания.

Федор Иванович Карпов (около 1475/80 г. — не ранее 1539 г.) в своем послании митрополиту Московскому и всея Руси Даниилу пишет: «Якоже бо гусленик струны блядущие соединяет к согласию и к соединению сладкости бряцаниа, касая, приводит, тако начальник всякаго самодръжства блудящих и врежающих грешник понудити имать на согласие благых грозою закона и правды, а добрых подвластных беречи своим жалованием и уроженною милостью»[28]. Ф.И. Карпов, сравнивая грешников с расстроенными струнами, употребляет термин «согласие» по отношению и к гуслям, и к обществу. Согласие способно породить приятную музыку и гармоничное общество, т.е. самодержавство. При этом согласие, несомненно, указывает и на иерархическую структуру, и на горизонтальную самоорганизацию, ведь «начальник» принуждает к уже сложившемуся согласию только его нарушителей.

Именно понимание согласия как единого голоса и действия, т.е. результата равноправного договора, было более значимым в русской духовно-политической мысли, чем понимание согласия

[26] Полное собрание русских летописей. Т. 21. 2-я половина. С. 601.
[27] Житие Кирилла Белозерского // БЛДР. Т. 7. С. 170.
[28] *Карпов Ф.И.* Послание митрополиту Даниилу // БЛДР. Т. 9. С. 352.

как готовности исполнять чужую волю. Подтверждение данного тезиса можно найти в документах, посвященных Смутному времени, например, в Хронографе 1617 г.: «Аще бо убо и разнородными мест людми, но едиными рекоша усты, и в далном несогласии жития разстоятелстве бысть аки согласен совет во единоравеньстве. Изволиша бо смыслом, избраша же словом и учиниша делом, еже добр совет сотвориша. Бе бо убо не человеческим составлением, но Божиим строением…»[29]. Обращает на себя внимание, что согласие объединяет людей из всех городов России, которые оказываются равны перед лицом важнейшего политического решения — избрания нового царя. Более того, это единство достигается не самими людьми, а устраивается Богом, а значит, согласие имеет священное значение.

Немаловажное значение понятие «согласие» имело и в международных отношениях. Например, в грамоте датскому королю от 28 февраля 1687 г. согласие становится началом союза против турок: «Доброхотно в прошедшие времена искали добраго пути и способных случаев к согласному християнскому совету, ис чего б уросл страх и печаль неприятелю Креста святаго… а мы, великие государи, наше царское величество… по единомысленному согласию с цесарским величеством римским и по вышепомянутому укрепленному с его королевским величеством полским…»[30]. Как видно, на дипломатические отношения также распространялось основное содержание понятия «согласие».

Таким образом, понятие «согласие» в русской духовно-политической мысли обозначает добровольное равноправное объединение, способное приводить к политическому действию.

Заключение

В русской духовно-политической мысли X–XVII вв. понятия «самодержавие» и «согласие», хотя и не очевидным образом, были связаны воедино: самодержавие обеспечивало сохранение согласия; согласие давало санкцию самодержавию. И самодержавие, и согласие исходили из одного корня — божественного установления. И самодержавие, и согласие были направлены на поддержание мощи и независимости Русского государства («Российского самодержавства»).

[29] Из Хронографа 1617 года // БЛДР. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. СПб.: Наука, 2006. С. 558.

[30] Русская историческая библиотека. Т. 16: Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1897. Стб. 932, 934–935.

Думается, именно поэтому оба этих понятия сохранились в русском общественно-политическом сознании до наших дней как значимые ценностные ориентиры.

ЛИТЕРАТУРА

Акты феодального землевладения и хозяйства / Подгот. к печати Л.В. Черепнин. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.

Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Т. 6–14. СПб.: Наука, 1999–2006.

«История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М.: Квадрига, 2023.

Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. «Отечество находится не в географии…»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263–283.

Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 4. С. 113–133.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Ред. Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М.: Наука, 1993.

Полное собрание русских летописей. Т. 21. 2-я половина: Книга Степенная царского родословия. Ч. 2 / Под ред. П.Г. Васенко. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1913.

Русская историческая библиотека. Т. 16: Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб.: Печатня С.П. Яковлева, 1897.

Сорокопудова О.Е., Миронов Д.В. Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 2. С. 455–470.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и коммент.: В 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2: Степени XI–XVII / Подгот. под рук. Н.Н. Покровского. М.: Языки славянских культур, 2008.

REFERENCES

Cherepnin, L. V. (ed.) *Akty feodal'nogo zemlevladeniia i khoziaistva*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961.

Likhachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A., and Ponyrko, N. V. (eds.) *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*, Vol. 6–14. St. Petersburg: Nauka, 1999–2006.

Likhachev, D. S., Lur'e, Ia. S., and Rykov, Iu. D. (eds.) *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim*. Moscow: Nauka, 1993.

Perevezentsev, S. V. *Russkie smysly: Dukhovno-politicheskie ucheniia Rossii X–XVII vekov v ikh istoricheskom razvitii*. Moscow: Kvadriga, 2023.

Perevezentsev, S. V., Puchnina, O. E., Strakhov, A. B., and Shakirova, A. A. " 'Otechestvo nakhoditsia ne v geografii…': K voprosu ob evoliutsii traditsionnykh dukhovno-politicheskikh tsennostei rossiiskoi tsivilizatsii," *Tetradi po konservatizmu*, No. 3, 2021, pp. 263–283.

Perevezentsev, S. V., Puchnina, O. E., Strakhov, A. B., and Shakirova, A. A. "K voprosu o metodologicheskikh printsipakh izucheniia rossiiskikh bazisnykh traditsionnykh tsennostei," *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 18. Sotsiologiia i politologiia*, No. 4, 2021, pp. 113–133.

Pichkhadze, A. A., Makeeva, I. I., Barankova, G. S., and Utkin, A. A. (eds.) *«Istoriia Iudeiskoi voiny» Iosifa Flaviia: Drevnerusskii perevod*, Vol. 1. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004.

Pokrovskii, N. N., and Lenhoff, G. (eds.) *Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam: Teksty i kommentarii*: In 3 vols., Vol. 2: Stepeni 11–17. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2008.

Shcherbachev, Iu. N. (ed.) *Russkaia istoricheskaia biblioteka*, Vol. 16: Russkie akty Kopengagenskogo gosudarstvennogo arkhiva. St. Petersburg: Pechatnia S.P. Iakovleva, 1897.

Sorokopudova, O. E., and Mironov, D. V. "Issledovanie aksiologicheskikh osnovanii rossiiskoi gosudarstvennosti: perspektivy ispol'zovaniia metoda politiko-tekstologicheskogo analiza," *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Politologiia*, No. 2, 2023, pp. 455–470.

Vasenko, P. G. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisei*, Vol. 21, P. 2: Kniga Stepennaia tsarskogo rodosloviia, 2. St. Petesburg: Tipografiia M.A. Aleksandrova, 1913.

ОБ АВТОРЕ

Александр Борисович Страхов — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник научно-проектного отдела научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук (Мароновский пер., д. 26, 119049, Москва, Россия), специалист по учебно-методической работе кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: falconian@yandex.ru.

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr Borisovich Strakhov — Kandidat of Political Science, Leading Research Fellow, Scholarly Project Department, Scientific and Innovative Management, State Academic University of Humanities (Maronovsky per. 26, Moscow 119049, Russia), Specialist in Educational and Methodological Field, Program on the History of Social and Political Thought, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University (Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russia), e-mail: falconian@yandex.ru.